

Анна Литвак

16+

всё, что будет после...

Анна Литвак
Все, что будет после

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Литвак А.

Все, что будет после / А. Литвак — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Пятилетняя Кристина живет в детском доме и мечтает о том, чтобы за ней приехала мама и забрала ее домой. И вот однажды за девочкой приезжает замечательная семья. Казалось бы, вот он, хэппи-энд? Однако все не так-то просто. Чтобы стать семьей и выстроить теплые отношения, каждому герою придется пережить немало сложных моментов, побороть непонимание и справиться с трудностями.

Содержание

Часть первая. Вымышленный друг.	5
Даша: призрак	5
Кристина: детский дом	7
Новенький	8
Любимое и не очень	10
Чужие	13
Кристина: дома	15
Марина: адаптация	19
Даша: призраки тоже плачут	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Часть первая. Вымышленный друг.

Даша: призрак

Ну, вообще-то мне совсем не нравится, когда меня называют Дашей. Дарья еще куда ни шло. А мама называет меня Даняша. Я возмущаюсь каждый раз, когда она мне так говорит. Ведь мне уже 13, какая еще Даняша? Это как будто имя для малыша. Но вообще-то мне нравится. Как будто я снова становлюсь малышкой, маминной девочкой, и мы можем, как раньше, гулять в парке за домом и кормить уток.

Но в последнее время мы не ходим в парк и не кормим уток. Может, все дело в том, что я уже взрослая. А может, это из-за того, что мама в последнее время очень часто плачет.

Иногда она садится в кресло возле окна, смотрит на улицу и долго-долго со мной разговаривает. О своих каких-то делах, я не всегда понимаю, если честно, о чем она говорит и почему она говорит именно об этом и именно сейчас. В такие моменты я пытаюсь что-то ей сказать, успокоить или наоборот развеселить, но мама меня как будто и не слышит вовсе. Только говорит, говорит и плачет.

– Даняша, ты моя маленькая Даняша, – постоянно повторяет она.

Началось все давно, я тогда была еще маленькая и мало что понимала. Меня зачем-то повели к врачу и долго-долго осматривали. Потом мне пришлось сдать много анализов. Было больно, я все время плакала, но мама меня подбадривала: «Держись, моя Даняшка! Все будет хорошо!». После каждого похода к врачам мама покупала мне шоколадку или мои любимые пирожные в кондитерской на углу. Как я любила эти пирожные – пропитанные кремом, с орешками внутри. Это были самые вкусные пирожные на свете!

Когда меня положили в больницу, больше всего на свете я скучала по этим пирожным. Мама всегда была рядом. И во время болезненных процедур, и во время уколов. Она меня подбадривала и обещала, что скоро все закончится, и мы снова будем ходить в парк, кормить уток и покупать мои любимые пирожные.

Если честно, в больнице было ужасно скучно. Мама читала мне книжки, мы смотрели мультики по телевизору, но все равно было скучно.

Помню, к нам в палату привезли девочку – маленькая, худенькая, она напоминала мне куклу. И она никогда не плакала. Вообще никогда. Я удивлялась, глядя на нее. Что бы ей ни делали, какие бы уколы или капельницы ни ставили, она никогда не плакала. Только лежала и смотрела в потолок своими огромными зелеными глазами и кривила ротик.

Девочка была младше меня, и я очень удивилась, почему она лежит в больнице без мамы. Мне объяснили, что у этой девочки нет мамы, она живет в детском доме, а лежит она одна, потому что никто из сотрудников детского дома не может поехать с ней.

Тогда я начала просить свою маму забрать девочку к нам домой. В конце концов, я давно мечтала о младшей сестренке. Мне хотелось показать ей наш с мамой парк, где в пруду плавают утки, угостить самым вкусным в мире пирожным и каждый день играть с ней в куклы.

Я уже и не помню имя той девочки. Помню только ее огромные зеленые глаза на худеньком сером личике. Но тогда я старалась развеселить ее.

Девочка очень плохо разговаривала, но когда я учила ее играть в ладушки, она смешно хихикала и говорила: «Дася, исё!»

Мама улыбалась, глядя на наши игры. Кажется, она была даже не против взять девочку к нам, потому что я помню обрывок разговора с главврачом, когда мама решила узнать, почему девочка осталась без родителей, и в каком детском доме она живет.

Но мы не забрали девочку к себе. Наверное, я сама виновата. Пожалуй, так оно и есть. В тот день я слишком много бегала по коридорам, несмотря на запрет врачей и строгий выговор мамы. Я бегала весь день, а вечером мне стало совсем плохо, и меня отправили в какую-то другую палату, уже без мамы. Мама плакала, когда меня увозили, но я старалась успокоить ее и говорила, что все будет хорошо. А еще обещала больше не бегать.

Когда мы вернулись домой после больницы, про ту девочку больше никто не вспоминал. Да и мне не хотелось больше вспоминать больницу.

Но обстановка в доме стала совсем другой, какой-то напряженной и тяжелой. Мама сначала плакала целыми днями. Папа пропадал на работе. Если раньше мы любили собираться втроем за ужином и рассказывать друг другу смешные истории о том, как прошел наш день, то теперь никто не собирался за столом. Мама вообще почти перестала есть, а папа, по его словам, перекусывал по дороге домой и был не голоден.

Они больше не разговаривали и не шутили друг с другом, как раньше. Да и со мной больше никто не говорил. Точнее, говорила мама, когда садилась в кресло напротив окна, смотрела на улицу и долго-долго говорила о чем-то своем.

На меня она не смотрела, а смотрела куда-то мимо – то ли в окно, то ли на стену. Я никак не могла поймать ее взгляд.

Один раз, пока мамы не было, я решила посмотреть, куда же все-таки она смотрит и что она видит. Я зашла в комнату и села на ее кресло напротив окна.

Красивый вид. Была весна, за окном зацвела яблоня, вся белая – если зажмурить глаза, то может показаться, что она вся в снегу. Но нет, откроешь глаза пошире – это не снег, а маленькие белые цветочки. Красивый вид!

Но тут мои глаза скользнули немного в сторону, на стену. Там висела моя фотография. Мне она никогда не нравилась. Нас фотографировали в школе, и я была с косичками и в школьной форме. Но в тот день у меня был насморк, и улыбнуться красиво фотографу я не смогла, так и осталась на этой фотке с какой-то кривой улыбкой и распухшим носом. Почему-то раньше я не замечала, что родители повесили на стену именно эту дурацкую фотографию. Я уже готова была рассердиться, как заметила нечто необычное. Черная ленточка. В углу фотографии была черная ленточка, а снизу – мое имя и даты «2000 – 2012 гг.».

Даты жизни. Внутри все похолодело. Получается, я уже год как умерла.

Кристина: детский дом

За окном смеркалось, по стеклу ползли капли дождя.

– Все на ужин! Дети! Идем на ужин! – раздался резкий голос воспитателя.

И тут же из разных концов комнаты зашевелились, с неохотой стали продвигаться к выходу дети.

Кристина не сразу услышала. Погрузившись в свои мысли, она сидела на подоконнике и смотрела в темноту за окном, не замечая ничего вокруг.

Проходившая мимо Ленка дернула ее за юбку, только после этого Кристина сползла с окна и встала в ряд.

– Парами. Дети, становимся парами! Где твоя пара? А ну хватить болтать!

Они спустились в столовую, откуда уже доносились запахи ужина.

Есть не хотелось. Кристина думала о том, что приходит вечер, сейчас они поужинают и совсем скоро их отправят спать. Она не любила вечернее время. Ей казалось, что темнота вползает в здание детского дома, в каждый его уголок, и ей становилось страшно.

Еще больше она не любила спать в медкабинете. Ее всегда отправляли спать туда, потому что боялись, что ей снова станет плохо ночью, и придется отправлять ее в больницу.

В медкабинете она спала одна. Когда на дежурстве оставалась тетя Валя, она оставляла включенным свет в коридоре, и было не так страшно. Иногда дежурил мужчина. Кристина никак не могла запомнить его имя, но она очень не любила его дежурства. Он всегда оставлял закрытой дверь и никогда не включал свет.

Тогда Кристина оставалась одна в темной комнате. В такие ночи она не могла заснуть. Ей казалось, что в темноте шевелятся и шепчут какие-то чудовища, и стоит ей пошевелиться, как чудовище тут же выскочит из-под кровати и схватит ее.

В такие ночи она залезала с головой под одеяло и рассказывала себе сказки. Это были довольно однообразные сказки, в которых она оказывалась в волшебной стране с героями любимых мультиков. Иногда она придумывала для себя сказку, в которой за ней в детский дом приходила ее мама и забирала ее домой, подальше от темного медкабинета.

Маму свою она не помнила. Когда-то давно она слышала в разговоре нянечек о том, что маме она оказалась не нужна, поэтому мама отдала ее в детский дом. Но иногда к ним приходили люди и забирали кого-то из детей.

Вот недавно забрали Сашку, Кристининого друга. Они приходили в детский дом, играли с ним, а еще приносили конфеты всем детям из их группы. Но Кристина завидовала Сашке, потому что конфеты конфетами, а играли они с ним и приходили они к нему. А потом они его совсем забрали. И тогда Ленка ходила по комнате и говорила всем: «Вот Сашку забрали, а скоро и за мной придут и заберут меня!»

Она так убедительно говорила, что Кристина верила, что действительно заберут.

– Лен, а меня тоже заберут?

– Тебя не заберут! Ты же больная, а кому нужна больная? Все хотят здоровых и красивых, – со знанием дела ответила Ленка.

Да, Кристина знала, что она больная. Ее болезнь называлась как-то сложно, и она никак не могла запомнить ее. Но она часто бывала в больнице, куда ее увозили, когда ей становилось плохо. В больнице ее уже все знали, бывала она там часто. Медсестры в больнице были добрые. Иногда они угощали ее конфетами или бананами.

Ее клали в палату с другими детьми. Дети лежали в больнице с мамами, а Кристина – одна. Мамы тоже бывали добрые, жалели ее и тоже угощали сладостями. Кристина надеялась, что какая-нибудь из этих мам когда-нибудь заберет ее к себе домой, но обычно их выписывали, и больше Кристина их не видела.

Новенький

Когда школьники уходили в школу, детский дом пустел. Оставались одни малыши, которых выводили на прогулку.

Обычно малыши тихо копошились в песочнице. Бегать им не разрешали, объясняя это тем, что они могут упасть и разбить коленки, а значит, их придется везти в больницу и делать уколы.

Уколов Кристина боялась, поэтому старалась вести себя тихо и не бегать.

Когда еще был Сашка, они часто носились вместе, играя в догонялки. Их ругали, наказывали, но им было так весело, что на прогулке они забывали о запрете.

Но теперь Сашки не было. Интересно, подумала Кристина, что он сейчас делает со своими новыми мамой и папой. Его, наверное, кормят конфетами и шоколадом и каждый день покупают новые игрушки.

Размышления Кристины были прерваны шумом въезжающей во двор машины.

– А вот и новенького привезли, – сказала воспитательница.

Из машины вышел взъерошенный мальчишка.

Воспитатели подошли к машине и начали о чем-то говорить с теми, кто привез мальчишку в детский дом.

Пока взрослые разговаривали, Кристина с любопытством осматривала вновь прибывшего.

Новенький Кристине сразу не понравился. У него была шершавая темная кожа, пятнистые руки и грязные волосы. Он ни на кого не смотрел, а его черные глаза были какими-то дикими.

Кристина решила держаться от него подальше. Из разговора взрослых она услышала, что его зовут Никита.

В разговоре также мелькнули слова «тюрьма», «издевательства», но Кристина не поняла, о чем они говорили. Поняла она только одно – новенький Никита ей категорически не понравился.

И еще больше ей не понравилось то, что его определили в ее группу.

Он держался отстраненно, ни с кем не разговаривал, ни на кого не смотрел. На все вопросы воспитателя отвечал кивком головы.

Когда с занятий вернулись школьники, Кристина сразу побежала рассказывать Ленке о новеньком. Ленку это, кажется, не сильно волновало.

Сегодня она подралась с какой-то девочкой в школе. Ленка рассказала, что в школе у нее есть враги – три девочки из параллельного класса. Они постоянно задирают ее и дразнятся «детдомовкой» и другими обидными словами.

После Ленкиных рассказов о школе Кристине всегда становилось не по себе. По ее представлениям, дети в школе занимались только тем, что выясняли отношения, дрались, обзывались и травили тех, кто помладше.

Кристине не хотелось идти в школу. Она боялась, что старшие дети будут дразнить ее. А еще она думала про то, что в школе ей снова станет плохо, и ее повезут в больницу.

После обеда детей снова вывели на прогулку. Думая о школе и о Ленкином рассказе, Кристина уже и забыла про новенького, пока не услышала звуки.

Повернув голову, она увидела, что новенький сидит на земле, раскачивается и воет. Это были странные звуки. Кристина слышала раньше, как кричат и плачут малыши, но звуки, которые издавал новенький, были не похожи ни на плач, ни на крик. Скорее, это было что-то вроде завывания.

Воспитательница попыталась поднять его с земли и утащить в медкабинет, но Никита хоть и был на вид худеньким, оказался довольно сильным, и при каждой попытке к нему прикоснуться, брыкался и пинал воспитателя.

Еще за обедом дети обратили внимание на его руки и шею. Они все были в каких-то странных пятнах, и Ленка, как самая старшая и умная в группе, решила, что новенький болеет какой-то заразной болезнью.

Дети шарахались от него, чтобы не заразиться, поэтому Кристина удивилась, что воспитательница, не боясь заразиться, пыталась схватить Никиту.

После нескольких неудачных попыток увести новенького с площадки, воспитательница позвала на помощь одного из охранников, который, не особо церемонясь, скрутил парня и оттащил в здание детского дома.

На площадке стало тихо. Дети, напуганные произошедшим, старались не смотреть друг на друга и на воспитательницу.

Кристине было любопытно, что за пятна на руках у новенького Никиты, и почему воспитательница не боится трогать его, но подойти и спросить она не решилась.

Уже вечером, когда ее вели в медкабинет на сон, она услышала разговор двух нянечек.

– Видала, что у новенького с руками? Говорят, папаша об него сигареты тушил. А вон поди ж ты, все равно скучает и домой просится.

Любимое и не очень

Больше всего Кристине нравились праздники. Обычно на праздники в детский дом приезжало много народа – волонтеры, спонсоры. Они привозили с собой много подарков и сладостей.

К приходу спонсоров дети готовились заранее – учили стихи, танцы, сценки. Кристину не брали выступать, потому что она была еще маленькая. Но старшие дети обычно спорили за право участвовать в представлении.

Больше всех любила выступать Ленка. Чем больше ты бываешь на сцене, тем больше конфет и сладостей тебе дадут, объясняла она.

Ей обычно дарили много конфет и сладкого. Ленку считали красивой, она умела громко и выразительно читать стихи, поэтому выступала она часто.

Малышей тоже не оставляли без внимания. Обычно их сажали на первые ряды и заставляли сидеть спокойно в течение всего выступления. Кристине было скучно. Она наизусть знала все номера концерта, но надо было досидеть до конца, чтобы получить свои сладости.

Малышам дарили больше всего. Малышей спонсоры вообще очень любили.

Любили и Кристину – маленькая, худенькая, с ней спонсоры часто фотографировались, вручая ей в руки огромные пакеты с подарками. Это поначалу Кристина была вне себя от счастья, полагая, что весь пакет дарят ей одной. Со временем она поняла, что после того, как будут сделаны фотографии, пакет у нее заберут, и вместо него выдадут несколько конфет на ужин, потому что содержимое пакета разделят на всех.

И все равно Кристина праздники любила. Любила она и необычную атмосферу ожидания чуда. В такие дни все воспитатели и дети были в каком-то особом настроении.

Все наряжались, девочкам делали красивые прически.

– Вот придут к нам гости, и вдруг кто-то увидит тебя и подумает: «Ну надо же! Какая красивая девочка!» – и захочет взять к себе, – говорили воспитатели.

Кристина верила, что так и случится, что ее обязательно заметят и захотят взять к себе. Поэтому перед каждым праздником она тщательно мыла лицо и чистила ногти. А еще терпеливо сидела, пока воспитательница делала ей прическу и больно дергала волосы.

Но каждый раз, когда дети входили в актовый зал, где их ждали гости, Кристина робела и жалась к воспитательнице. Наверное, поэтому ее пока никто не заметил и не сказал: «Ну надо же! Какая красивая девочка!».

Еще Кристина любила ездить в лагерь. Их отправляли туда каждое лето, и целый месяц дети купались, загорали и гуляли сколько захочется.

В лагере Кристина уже не должна была спать в медкабинете. Теперь она жила в комнате с другими девочками.

По вечерам девочки любили рассказывать друг другу страшные истории.

Однажды Ленка рассказала историю о том, что лагерь, в котором они жили, стоит на месте старого кладбища, и теперь по ночам по лагерю бродят призраки. Среди них – призрак девушки, которая потеряла свою дочь, и от горя утопилась, потому что не смогла жить без нее.

Эта история особенно запомнилась Кристине. Она лежала в темноте и боялась, что вот сейчас, в эту самую минуту из темноты появится призрак девушки, которая ходит и ищет свою дочь.

Ей было жалко эту девушку, которая так горевала, что даже после смерти искала девочку. Интересно, думала Кристина, а моя мама меня ищет? И горюет ли она так же, как эта девушка? И, может быть, ее мама так же ходит и ищет ее, Кристину, потому что не может без нее жить?

Думать обо всем этом было тяжело и страшно. Страшно еще и оттого, что Вика, которая спала на соседней комнате, постоянно раскачивалась во сне. Она качалась так сильно, что кровать скрипела, мешая спать.

Ленка, которая была автором большинства страшных историй, засыпала быстро. Но во сне она то плакала, то стонала, то что-то кричала. Соседки по комнате, которые итак-то не очень любили Ленку, особенно злились на нее за то, что она мешала им спать.

К новенькому Никите все понемногу привыкли. Правда, его по-прежнему недолюбливали.

Никита мало с кем общался. На прогулках он любил уходить подальше от всех и сидеть в одиночестве. Иногда он просто смотрел в пустоту и, казалось, не видел и не слышал ничего вокруг.

Иногда он садился на корточки, раскачивался вперед-назад и что-то бормотал себе под нос. Его не трогали. Как у воспитателей, так и у ребят сложилось мнение, что он «не в себе». Его считали странным и старались не связываться с ним, тем более что особых проблем он не доставлял.

Правда, однажды в лагере он подрался с мальчиком из старшего отряда.

Кристина не знала, как все началось. Позже Ленка рассказала ей, что как будто мальчик из старшего отряда сказал Никите: «А батя-то твой долго сидеть будет! Не заберет он тебя!», после чего в Никиту как черт вселился – он набросился на этого парня и стал колотить его руками и ногами.

Кристина видела только то, как приехала «Скорая помощь», и Никиту, в разорванной футболке и с кровью на лице, посадили в машину и увезли.

Он вернулся через неделю – тихий, еще более молчаливый, чем обычно, и какой-то заторможенный.

Больше его старались не трогать.

В группе работали две воспитательницы – Ольга Валерьевна и Валентина Александровна.

Ольга Валерьевна была молодая и красивая. Валентина Александровна – полная и какая-то уютная. Кристина любила Валентину Александровну. Ей казалось, что ее мама должна быть чем-то похожа на нее. От Валентины Александровны пахло пирогами. Она обнимала всех детей из своей группы, а когда возвращалась из отпуска, то всегда привозила какие-нибудь сладости. Даже нелюдимый Никита обнимался с ней, хотя обычно он не терпел никаких прикосновений к себе.

Кристине нравилось сидеть у нее на руках – так мягко и уютно, а ее голос звучал так убаюкивающе, что Кристину начинало клонить в сон.

Ольга Валерьевна была строгой и холодной. Она никого не обнимала. Она любила, чтобы был порядок и послушание.

Кристине она казалась похожей на Русалочку из сказки – длинные светлые волосы, зеленые глаза.

Но Кристина не любила, когда дежурила Ольга Валерьевна.

– А ну-ка быстро одевайтесь, а то позову сейчас волка, он вас в лес утащит!

Кристина боялась волка. Она с ужасом думала о темном лесе, куда потащит ее волк, своими огромными острыми зубами схватив за ногу. В такие моменты руки не слушались, пуговицы отказывались застегиваться. Кристина понимала, что не успеет одеться вовремя, и сейчас за ней прибежит волк, которого позовет Ольга Валерьевна, чтобы избавиться навсегда от такой негодной девчонки, которая не умеет застегивать быстро куртку. Слезы подкатывали к горлу, Кристина пыталась сдержаться, больно закусив губы. Слезы все равно текли, но Кристина старалась не выдать себя. Она продолжала сражаться с непослушными пуговицами.

– Ну, чего нюни распустила? Давай быстрее, а то волк тебя утащит! – слышала она сквозь слезы голос Ольга Валерьевны.

Запахнув куртку, не успев застегнуть все пуговицы, Кристина бежала вместе со всеми на прогулку. Только бы успеть, только бы не утащил ее в страшный темный лес злой волк.

Чужие

– Ну не бойся, подойди сюда! Какое у тебя красивое платье!

На нее из-под очков смотрели черные глаза. Кристина знала, что ее зовут Марина, ее мужа – Саша, что они приехали к ней.

К ней? Сердце бешено колотилось, она не могла в это поверить. Но все было правдой – вот эта незнакомая женщина протягивает к ней полные руки, хочет обнять. Говорит с ней ласковым голосом, называет Кристиночкой – раньше ее никто так не называл.

– Пойдем погуляем? Ты покажешь нам ваш детский дом, – предлагает Марина.

Они молча выходят. Кристина не смотрит на них. Она боится поднять глаза. Они кажутся ей чужими. От них пахнет чем-то чужим и незнакомым. Они говорят чужие, неизвестные ей слова. У Марины губы накрашены ярко-красной помадой, и это тоже кажется Кристине чем-то чужим и пугающим.

Они приехали за ней. Значит, они ее заберут. Заберут к себе, в свой дом, который тоже такой же чужой и незнакомый, как и они сами.

Кристина почти не слышит, о чем пытается говорить с ней Марина. Она просто послушно идет. Нет, не так представляла она себе маму и папу.

А как? Как она их представляла? Этого она тоже не знала, не могла признаться самой себе. Просто мама и папа – а не какие-то незнакомые Марина и Саша.

– Какая ты молчунья! Хочешь, я покачаю тебя на качелях?

Кристина садится на качели. Небольшое облегчение – можно не разговаривать и не отвечать на вопросы. Мельком смотрит на Марину – та, кажется, тоже чувствует себя не в своей тарелке.

Подходит Ленка. Как хорошо, что она здесь, думает Кристина.

– А Вы приехали за ней? – спрашивает Ленка.

– Да, мы приехали познакомиться с Кристиной. А как тебя зовут?

– Я Лена. А вы ее заберете?

– Ну, если Кристина захочет к нам поехать, то, конечно, заберем, – отвечает Марина.

– Да ну! Возьмите лучше меня! Я не такая больная, как Кристинка, я здоровая! И я уже учусь в школе!

А что если и правда они передумают и возьмут Ленку? Что если они прямо сейчас уйдут вместе с Ленкой и больше никогда не вернутся?

Кристина с волнением смотрит на Марину и Сашу, впервые за все время смотрит им в лицо, пытается отгадать их мысли по глазам. А что если...?

Кристина спрыгивает с качели, подбегает к Марине и резко обнимает ее за ноги. Мои! – думает она. Они приехали ко мне, ко мне! Нельзя отдавать их Ленке, они же приехали ко мне!

Марина гладит ее по голове. Раньше ее гладили только медсестры в больнице, когда она плакала. Но теперь ей особенно приятно – пусть Ленка видит, что гладят ее, Кристину. Пусть видит, что приехали к ней.

Начинает накрапывать дождик. Саша предлагает вернуться в детский дом. По дороге Ленка не замолкая рассказывает о себе: «А в прошлом году я выиграла в школьной эстафете первое место! Это значит, что я бегаю быстрее всех! А еще Ольга Валерьевна всегда мне говорит, что я хорошо рисую! Да, и мои рисунки выставляли на конкурс в школе и даже в городе, и у меня есть призы!»

Марина грустно улыбается Ленке. Кристина злится – почему она так расписывает себя, как будто она самая лучшая? Почему ни на шаг не отходит от них? Почему не дает им остаться одним?

Ведь они приехали к ней, к Кристине, а не к Ленке.

А Ленка изо всех сил надеется, что вот сейчас эта красивая молодая женщина с черными волосами и мягким бархатным голосом обнимет ее так же, как она обнимает Кристину, погладит по голове и скажет: «Леночка, поехали с нами!».

Кристина: дома

Пока Ольга Валерьевна готовила Кристину к отъезду из детского дома, она не переставала ее наставлять: «Ты должна быть хорошей девочкой, понимаешь? Если ты будешь плохо себя вести, то твои новые родители подумают, что ты плохая, и вернут тебя обратно. Надо всегда вести себя хорошо, надо быть вежливой. Ты помнишь, что значит – быть вежливой? Надо всегда говорить «спасибо» – это самое главное. Дают тебе еду – говори «спасибо», дарят подарки – снова говори «спасибо»».

Кристина до последнего не верила, что ее заберут. Всю неделю, что к ней ходили Марина с Сашей, она подвергалась нападкам со стороны Ленки. Ленка то как будто случайно ставила ей подножки, то рассказывала ужастики на ночь, так что Кристина не могла заснуть в своей темной комнате. Иногда она просто дразнила Кристину: «Посмотри, какая ты стала – совсем бледная и круги под глазами! Такую некрасивую не возьмут! А меня – возьмут, потому что я красивая и здоровая!».

Состояние Кристины действительно стало хуже. Она плохо спала, плохо ела. Неделя казалась ей бесконечной.

Марина с Сашей приходили каждый день. Они гуляли по территории детского дома, иногда играли в общей детской игровой. Кристина начала постепенно привыкать к ним. Ей нравилось, что Марина пахнет вкусными духами и мылом. А Сашу она стеснялась. Мужчины были редкими гостями в детском доме, и Кристина просто не знала, как себя с ним вести – ведь у нее никогда не было папы.

Ни Кристина, ни Ленка не знали, что ожидание связано с тем, что идет оформление документов. Не знали они и того, что Марина с Сашей в первый же день подписали согласие на то, чтобы принять Кристину в семью. Кристине казалось, что они просто не решили, достаточно ли она хороша, чтобы поехать с ними. И как только они решат, что она им подходит, то в тот же день заберут ее с собой.

Сомнений добавляла и Ленка, которая искала любую возможность, чтобы подразнить Кристину.

Но наконец прошла неделя, и Кристину увезли. Сборы были недолгими – с Кристины сняли всю казенную одежду и переодели в новую, привезенную Мариной специально для этого случая. Родителям передали толстую папку с документами – и они уехали.

В тот вечер Ленка долго стояла возле окна, не могла уснуть. Ничего, думала она, может, Кристинка сделает какую-нибудь фигню, и они приедут возвращать ее, передумают и возьмут вместо нее меня.

Но Кристина помнила, что надо стараться быть хорошей. Она старалась изо всех сил. Не задавать лишних вопросов, потому что воспитатели не любили тех, кто много болтает. Всегда говорить «спасибо». Улыбаться. Ее всегда просили улыбаться, когда приезжали спонсоры с подарками. Значит, улыбаться – это хорошо.

Она очень старалась. Так старалась, что в первое время дома не замечала ничего вокруг себя. Ни обстановку, ни расположение комнат. Она не могла запомнить, где находятся ванна и туалет, потому что все ее силы уходило на то, чтобы стараться.

В новом доме ей подарили большую, красивую куклу. Это был ее первый подарок, который вручили ей Марина с Сашей в день ее приезда домой. У куклы были прекрасные золотые локоны и красивое шелковое платье. В руках у куклы была сумочка, а на голове шляпка.

Кристина никогда не видела таких кукол. Она была настолько красивой, что девочка сначала даже не верила, что эта кукла – для нее.

Марина протянула куклу ей: «Возьми! Ну давай же! Теперь она твоя! Мы с папой купили ее к твоему приезду, это наш подарок тебе».

Кристина осторожно взяла чудесную куклу в руки. От волнения у даже перехватило дыхание. Но вдруг в голове мелькнула страшная мысль: «А что если я ее сломаю? Или испачкаю? Или сделаю еще что-нибудь плохое?».

Кристина осторожно, очень медленно и аккуратно протянула куклу назад Марине. Улыбка сползла с ее лица.

«Тебе не понравилась? Что случилось? Ты не хочешь играть с ней?»— Марина не понимала.

Кристина натянула на лицо улыбку (надо обязательно улыбаться!) и произнесла: «Спасибо! Большое спасибо!».

Точно так же вела себя Кристина и в те моменты, когда Марина пыталась заниматься с ней. Она раскладывала перед Кристиной разноцветные шарики и просила показать шарики разных цветов.

Шарики лежали на столе, такие красивые и блестящие. Каждый из них был похож на маленький драгоценный камушек. Солнце переливалось на их круглых боках, Кристине даже казалось, что шарики живые, и вот они лежат на столе, греются на солнышке и улыбаются ей довольной улыбкой.

Она боялась дотронуться до них. Вот сейчас я потрогаю шарик, а он скатится со стола и разобьется, думала она.

И тогда – при этой мысли сердце ее начинало бешено колотиться – Марина сразу все поймет. Поймет, что она совсем не такая хорошая девочка, что на самом деле она криворукая, как называли ее в детском доме. И будет ругаться. А, может, даже отшлепает. Или, что еще хуже, вернет обратно в детский дом.

Нет, надо стараться быть хорошей девочкой. Кристина снова натянула свою фирменную улыбку на лицо.

– Кристина, ну что ты улыбаешься? Ну покажи мне, где здесь красный шарик! Помнишь, я показывала тебе? Вот только что показывала. Вот синий, вот зеленый, а красный где?

Кристина улыбалась и тихонько шептала: «Спасибо! Большое спасибо!».

Кристина старалась ничего не просить. Ее еще в детском доме предупреждали: будешь много просить – новым родителям это не понравится. Поэтому она решила, что просить ничего не будет. Она уже знала, где в доме лежит еда, и сама брала ее, пока никто не видит. Она делала для себя запасы, чтобы в любой момент, когда ей захочется подкрепиться, она смогла достать еду и съесть ее.

Сначала она складывала еду за кровать. Но потом поняла, что доставать оттуда неудобно, и стала класть под подушку. Сухари, печенье, вафли, орешки в шоколаде – никогда в жизни у нее не было столько богатства, столько сладостей! Даже когда в детский дом приезжали спонсоры и дарили много конфет, ей доставалось совсем мало, и теперь, получив неограниченный доступ к сладкому, Кристина просто не верила своему счастью.

Но она не забывала, что надо стараться, поэтому ничего не просила у взрослых, а добывала свои богатства сама.

К концу дня у нее от стараний даже болела голова. Иногда Кристина чувствовала, что больше не может стараться и быть хорошей. Тогда она уходила в комнату и сидела там в темноте, уговаривая себя постараться еще немного. Обычно это бывало по вечерам, когда Саша возвращался с работы, и они о чем-то разговаривали на кухне. Кристина не понимала их разговоров, да и не пыталась понять. Она изо всех сил старалась.

Но однажды она не смогла больше стараться.

Было утро, и Кристина уже проснулась. Она лежала в своей кровати и прислушивалась к звукам в доме. Обычно Марина с Сашей вставали рано, и когда Кристина просыпалась, ее уже ждал завтрак и улыбающаяся Марина. В этот день они спали долго.

Кристина чувствовала, что очень хочет в туалет. Живот ныл. Но встать она боялась. В детском доме их всегда ругали, если кто-то вставал и шел в туалет без разрешения. Здесь, в семье, она тоже всегда спрашивала разрешения у Марины, чтобы пойти в туалет.

Но сейчас Марина спала. И спросить было не у кого. Вставать было страшно. А в туалет хотелось.

Кристина старалась потерпеть. Она лежала и рассматривала узоры на обоях, фотографию девочки на стене. Эта девочка в школьной форме забавляла Кристину. У нее был красный опухший нос и смешные косички, который торчали в разные стороны. Кристина часто смотрела на фотографию этой девочки, но никогда не спрашивала Марину о том, кто она. Вообще-то этот вопрос даже не особо волновал Кристину, потому что все, что волновало ее в то время – это быть хорошей и стараться изо всех сил.

Сегодня, думала она, лежа на кровати, ей обещали пойти в парк. Там надо будет вести себя хорошо. Улыбаться. Не задавать вопросов. Стараться быть аккуратной и не испачкаться.

Неожиданно она почувствовала, как матрас под ней стал мокрым. Когда она поняла, что произошло, от ужаса у нее даже закружилась голова.

Все пропало! Никакого парка, никакой хорошей девочки, никакой семьи! Теперь, вот теперь они узнают, они увидят, какая она плохая! Они все-все поймут! А что делают с такими плохими девочками? Их возвращают обратно. В детский дом. Ее вернут в детский дом, потому что теперь-то точно все станет ясно.

От ужаса и стыда у Кристины все плыло перед глазами. Какой позор! Какой стыд! Она помнила, как в детском доме ее хлестали описанными тряпками и обзывали плохими словами, если такое случалось. Она помнила, как другие ребята смеялись над ней в этих случаях. Она помнила весь этот ужас и стыд. Сейчас, вот сейчас проснется Марина. Вот сейчас она войдет в комнату и увидит то, что она натворила. Она будет хлестать ее мокрым бельем прямо по лицу, как это делали нянечки в детском доме. А, может, сразу же и отвезет ее обратно. В мокрой одежде. Потому что девочки, которые писают в кровать, не достойны носить хорошую, красивую одежду.

Когда Марина вбежала в комнату, она увидела, как на кровати, раскачиваясь из стороны в сторону, сидит Кристина – и воет. Нет, это был даже не плач. Слез у нее не было. Это был вой, вопль и стоны отчаяния.

– Верните меня обратно, в детский дом! Я плохая- плохая-плохая!!!

Марина попыталась обнять девочку, но та вырывалась и брыкалась. Она не отвечала ни на какие вопросы Марины, и только, как заведенная повторяла: «Я плохая! Верните меня обратно!».

Не сразу Марина поняла причину истерики.

Она впервые видела такое поведение девочки и в голове уже нарисовалась тысяча картинок-ужасиков. У девочки что-то болит? А, может, это проявление психиатрии? Приснился страшный сон? А, может, ей действительно не нравится жить в семье, и она хочет вернуться в детский дом?

Кристина сидела на мокром матрасе, в мокрой пижаме и выла. Когда Марина нащупала мокрый матрас, она все поняла.

– Так, прекрати выть. Встань и пойдём в ванну. Там примешь душ, и я тебя переодену, – сухо сказала она. Странно, но на Кристину этот тон подействовал лучше всего. Она в один момент перестала выть, пошла в ванну и послушно сделала все, что сказала ей Марина.

Параллельно с этим Кристина размышляла: «Сейчас, когда меня переоденут в сухое, мы сядем в машину и поедем. Они меня вернут. Потому что теперь они все знают. Они видели, как я писаюсь. А еще они видели, какой плохой я могу быть и как громко я могу орать».

Но когда Кристина вышла из ванны, ее традиционно ждал завтрак – блинчики с вареньем. Марина как ни в чем не бывало наливала чай и рассуждала о том, как они пойдут гулять в парк.

Кристина все ждала и ждала, когда же они начнут говорить о том, чтобы отвезти ее обратно. Наконец, она собралась с духом и спросила: «А куклу мне дадите с собой?».

– Кристина, кукла очень нарядная, и я боюсь, что ты можешь испачкать ее в парке, – недоуменно сказала Марина, так как за все время с момента приезда Кристина ни разу не взяла куклу в руки и тем более не играла с ней, и Марина была уверена в том, что кукла девочке не понравилась.

– Нет, не в парк. В детский дом.

За столом повисло тягостное молчание. Марина медленно присела возле Кристины, так что их глаза были на одном уровне, взяла девочку за плечи и медленно произнесла:

– Послушай, ни в какой детский дом ты не поедешь! Ты теперь наша дочь, и твой дом здесь. Поняла?

Кристина молча кивнула.

Марина: адаптация

– Понимаете, мне кажется, у нее проблемы с интеллектом. Умственная отсталость, возможно, или что-то такое, – Марина сидела на приеме у психолога и рассказывала о своих переживаниях.

– А в медицинской карте что-то об этом есть?

– Нет, в том-то и дело, что там ничего такого не написано.

Катерина Аркадьевна нахмурилась. Марина почувствовала себя как на допросе. Катерина Аркадьевна смотрела на нее из-под очков своим пристальным взглядом. Тонкие губы плотно сжаты. Рыжие волосы гладко зачесаны назад. Ей бы судьей быть, мелькнуло в голове у Марины, а не психологом. С таким психологом не захочешь ничем делиться...

– А почему Вы считаете, что у девочки проблемы с интеллектом?

– Ну вот смотрите. Кристина живет с нами уже почти месяц, а все никак не может запомнить расположение комнат. Разве такое возможно при нормальном интеллекте? Она постоянно путает нашу с мужем комнату и свою, руки ходит мыть в туалет, а на обед может отправиться в ванну!

– Так... – Катерина Аркадьевна что-то черкнула в своем блокноте, лишь на мгновение оторвав взгляд от Марины.

– И потом наши занятия...

– Занятия? Чем вы занимаетесь?

– Да ничем особо и не занимаемся, потому что заниматься с ней невозможно! Она только долдонит одно и то же: «Спасибо, мамочка, спасибо!» – а никакие задания не выполняет! Ни цвета не называет, ни формы, ничего! – в голосе Марины послышалось отчаяние.

– Подождите, но ведь ребенок всего месяц дома, она еще в диком стрессе, ей сейчас совсем не до занятий.

– Да и Бог с ними, с этими занятиями. Но ведь у нее все поведение такое, знаете, странное. Натянет на лицо улыбку и ходит, бормочет себе под нос: «Спасибо, мамочка, спасибо!». Еще и руки мне целует! Недавно вот в магазин с ней пошли, купила ей шоколадку, а она как давай мне руки целовать, и это при всех!

На строгом лице Катерины Аркадьевны мелькнула тень улыбки.

– И как же вы отреагировали на это?

– Ну а как я могла отреагировать? Запретила, конечно!

Они еще долго говорили о странностях Кристины. И Марине все казалось, что психолог, на стене которого висела куча дипломов и благодарностей, на самом деле совсем не понимает, насколько все серьезно.

– Это называется адаптация. Сейчас ребенок привыкает к семье, а вы – к ребенку. Вы постепенно нащупаете ключики друг к другу, и общение станет проще. Через это многие проходят – непонимание, раздражение, гнев. Но со временем все налаживается.

Марина слабо в это верила, и ей даже стало жалко тех денег, которые она заплатила за то, чтобы побеседовать с именитым психологом. На прощание она задала еще один мучивший ее вопрос.

– Есть еще одна странность. Когда Кристина в комнате одна, она все время с кем-то разговаривает. Смеется или вопросы задает – как будто в комнате кто-то есть, хотя там никого нет. Может, нам пора вести ее к психиатру?

– Вымышленный друг, – задумчиво произнесла Катерина Аркадьевна. – Такое бывает у детей. Это хорошо, что у нее есть вымышленный друг. Психиатр здесь не поможет. Я бы посоветовала Вам поговорить с ней спокойно, узнать побольше про этого вымышленного друга – кто это? Может, кто-то из ее прошлой жизни. Или просто выдуманное существо. У девочки

богатая фантазия, и это хорошо. Возможно, через этого выдуманного друга Вы найдете ключик к ней, узнаете о ее страхах, о том, что ее беспокоит или радует.

Марина вышла от психолога разочарованная. Легче не стало, да, наверное, и не могло стать. Конечно, Марина понимала, что все должно наладиться, но все же...

Нет, совсем не так представляла она себе приемное родительство. В своих мечтах ей рисовалась совсем иная картина, над которой сейчас она лишь горько усмехалась.

Ей думалось, что в ее доме и сердце появится милая несчастная девочка, которую она, конечно же, сможет полюбить всем сердцем, с которой они будут гулять в парке за домом и кормить уток.

В реальности в ее жизни появилась странная, непонятная девочка с идиотской улыбкой на лице и с крошками в кровати. Девочка, которая не могла нормально разговаривать, но которая могла орать так громко, что закладывало уши.

Марина понимала, что Кристина не могла, да и не должна была быть похожей на Дашу. Но горькая глухая тоска временами душила ее. Да, это была совсем другая девочка, но в голове так и мелькали мысли о том, что Даша сделала бы лучше или Даша вела себя совсем по-другому.

Кристина не могла заменить Дашу. Их предупреждали об этом еще до того, как они решились взять Кристину. Поэтому и взяли они девочку, совершенно не похожую на Дашу. Если Даша была темноглазой смуглой веселушкой с ямочками на щеках и жесткими завитушками волос, то Кристина была светлокожей, светловолосой и очень бледной – совсем не такой, как Даша.

Но как же хотелось Марине, как и раньше, с Дашей, ходить на пруд и любоваться, как ее девочка, ее маленькая радость бегаёт у воды, кормит уток, радуется тому, как много птиц прибились к берегу, чтобы получить ее угощение. В такие моменты она чувствовала себя настоящим счастливым...

Ей очень хотелось любоваться и Кристиной. Марина покупала ей красивую одежду, старалась наряжать ее, как куклу. Она даже выводила ее гулять в парк. Но любоваться девочкой совсем не получалось. Кристина не отходила от нее ни на шаг. Если Марина садилась на скамейку рядом с детской площадкой, Кристина не шла играть с другими детьми. Она садилась рядом и сидела, пристально глядя на Марину и как будто ожидая новых указаний.

Марину душило это постоянное присутствие Кристины рядом. От нее было невозможно никуда деться. Даже когда она встречалась со знакомыми и заводила разговор о чем-то своем, Кристина все время была рядом, держала ее за руку или за подол плаща. Никакими уговорами невозможно было заставить девочку поиграть отдельно. Она отходила на пару шагов и так и стояла, вперив взгляд в Марину.

Погрузившись в свои невеселые думы, Марина шла домой. Накапывал дождь. Идти домой почему-то не хотелось. Здесь, в самом сердце вечно спешащего города Марина чувствовала себя приятно одинокой. Никто не смотрел, никто не следил за ней вечно напряженным взглядом.

И в то же время ей снова хотелось оказаться дома – там, где была жива Даша, где они все трое – Марина, Саша и дочка – были счастливы.

Марина вытерла щеки. Просто дождь, это просто дождь.

А с другой стороны, девочка ведь ни в чем не виновата. Она странная, это правда, но, возможно, эти странности связаны с ее прошлой жизнью, о которой Марина знала так мало. И теперь, когда Кристина попала к ней, именно ей, Марине, придется разбираться, почему она ведет себя именно так. Теперь это ее ребенок – нелюбимый, неродной, но у этого ребенка в целом мире нет больше никого. Никого, кто бы заботился о ней.

Марина резко стряхнула с себя уныние и зашагала домой. Все будет хорошо, уверенно подумала она. Катерина Аркадьевна говорила, что многие проходили через подобное, справлялись и все налаживалось. Значит, смогу и я.

Марина заглянула в комнату Кристины, чтобы пожелать ей спокойной ночи. Кристина лежала, отвернувшись к стене, и оживленно болтала.

– Кристина.. – несмело позвала Марина.

Кристина от неожиданности подскочила на кровати.

– Не пугайся, это я. Хочу поцеловать тебя на ночь и пожелать спокойной ночи, – Марина старалась говорить ровно и ласково.

Кристина неуверенно смотрела на нее.

– Расскажи, а с кем ты сейчас разговаривала?

Кристина нахмурилась.

– Это твой друг? Ты можешь меня с ним познакомить?

– Вы уже знакомы, – неожиданно сказала девочка.

– Правда? И кто же это?

Кристина протянула руку, указывая на портрет на стене: «Она!».

Марина почувствовала прилив горечи, тоски, гнева и раздражения. В первый раз за все время ей захотелось ударить девочку, ударить больно.

Она резко встала с кровати и, хлопнув дверь, выбежала из комнаты.

Даша: призраки тоже плачут

На самом деле, она совсем не глупая, и нет у нее никакой умственной отсталости. Ну честное слово, нет! Я-то точно знаю!

Вообще, конечно, Кристина странная, но уж точно не глупая. Например, она боится маму, но не боится призраков, представляете?

Мы познакомились в самый первый вечер, когда она только приехала к нам домой. Кристина легла спать и отвернулась лицом к стене, поэтому, когда мама заглянула в комнату, то решила, что она уже спит.

Но я-то знаю, что она не спала. Вообще мне хотелось разглядеть ее получше.

Знаете, когда мои родители решили взять девочку из детского дома, я... ну как вам сказать. Мне было совсем невесело. Мне казалось, что они хотят найти мне замену, взять ее вместо меня. Наверное, думала я, они возьмут кого-то очень похожего на меня, чтобы меня заменить. Сейчас мне смешно думать, будто мама могла бы забыть или разлюбить меня. Но тогда все было совсем по-другому.

И мне хотелось посмотреть, похожа ли на меня Кристина или нет. Я подошла к ее кровати, чтобы увидеть ее лицо. Но она неожиданно подскочила на кровати и уставилась на меня!

Вообще-то меня никто не видит – ни мама, ни папа. Даже когда мама сидит на кресле у окна и беседует вроде как со мной, она совершенно не слышит, что я ей отвечаю. Не видит, как я сажусь рядом, как глажу ее по руке, как кладу голову к ней на колени.

А Кристина меня увидела! Тут уж я оторопела!

– Ты кто? – спросила она.

– Эм.. Я – Даша.

– А я Кристина. Привет.

– Привет.

– Ты тоже тут живешь, да?

– Ну как тебе сказать... жила когда-то.

– И что, тебя потом вернули обратно в детский дом?

– А ты чего не спишь-то?

– Я боюсь.

– Чего боишься? Меня, что ли?

– Да нет, – Кристина улыбнулась, – Тебя не боюсь.

– А чего тогда?

– Не знаю. Просто боюсь и все.

Тут я растерялась. У меня никогда не было младшей сестры, и я не знала, как надо успокаивать малышей.

– Ну я не знаю. Хочешь, посижу с тобой?

– Посиди. А ты умеешь выгонять чудовищ?

Я засмеялась.

– Каких таких чудовищ?

– Страшных! С во-о-от такими глазами и во-о-от такими зубами!

Тут уж я расхохоталась! Кристина мне определенно нравилась. Она была совсем не похожей на меня, но очень забавной. Когда она показала чудовище, она скорчила смешную рожу и забавно выпучила глаза.

– Нет, у нас тут нет никаких чудовищ, можешь не волноваться.

– А в детском доме у нас были. Страшные. Ленка их видела и рассказывала мне.

– Дура твоя Ленка! Не бывает чудовищ! Она просто хотела тебя напугать!

– И все равно мне страшно...

Я вздохнула. Ну что с нее взять, маленькая еще, да и спать на новом месте всегда страшно и непривычно.

– Ладно. Хочешь, я спою тебе колыбельную?

– Кабанельную? А что это?

– Ко-лы-бель-ну-ю! Тебе что, никогда не пели колыбельные?

– Нет, – удивилась малышня.

– Ну это песня такая специальная, чтобы лучше заснуть. Мне раньше мама всегда пела колыбельную, когда я не могла заснуть.

Мне вспомнилось, как раньше мама садилась рядом со мной, одну ее руку я клала себе под щеку, а другой она меня гладила и пела песню, пока я не засыпала. Я вспомнила ее мягкие руки, запах, к горлу подступил ком, но на меня пристально смотрели два черных крестининых глаза.

– Ну давай, пой свою корабельную, – сказала она.

Я села рядом с ней на кровать и запела:

Слышишь, вьюга метет, завывая,

За окошком не видно не зги ...

Мы с тобой о весне помечтаем.

Засыпай, моя милая, спи.

Я тебе принесу на ладошках

Горсть из звезд или солнца лучи.

Или – хочешь? – по лунной дорожке

Мы пойдем прогуляться в ночи.

Расскажу я красивую сказку,

Чтобы не было больше тоски.

Обнимаешь подушку так сладко..

Засыпай, моя милая, спи...

– А почему ты плачешь? – спросила Кристина, когда я закончила петь.

И правда, лицо было мокрым. А как вы думали? Призраки тоже плачут, да.

Я не нашлась, что ответить.

– Не плачь, ладно? Ложись вот рядом со мной, вдвоем не страшно.

Кристина вытерла своей маленькой ладошкой мне слезы.

– Когда мне было совсем-совсем грустно в детском доме, я залезала под одеяло, ну, чтобы чудовища не нашли меня в темноте, и рассказывала себе всякие сказки. Хочешь, я и тебе расскажу? Я знаю сказку про принцессу, про теремок и про гнилое яблоко. Но эту сказку я тебе лучше не буду рассказывать, там есть плохие слова, а их нельзя говорить.

Я легла рядом с ней. Мы накрылись одеялом, но Кристина не смогла вспомнить ни одной своей сказки. Кроме, конечно же, сказки про гнилое яблоко, в котором есть плохие слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.